

На правах рукописи

Шагимгереева Бакытгуль Ерсайиновна

**ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ БИЛИНГВАЛЬНОГО АВТОРА
(на материале переводов Бахыта Каирбекова с казахского языка
на русский)**

Специальность: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2021

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель: **Рыбаков Михаил Анатольевич**,
кандидат филологических наук (10.02.20), доцент

Официальные оппоненты: **Киров Евгений Флорентович**,
доктор филологических наук (10.02.19), профессор,
профессор кафедры русского и общего языкознания
Института гуманитарных наук и управления
Московского городского педагогического
университета

Прошина Зоя Григорьевна,
доктор филологических наук (10.02.20),
профессор, профессор кафедры теории
преподавания иностранных языков
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

Гаджиева Анар Ахметбековна,
кандидат филологических наук (10.02.20), доцент,
доцент кафедры языков и культур стран СНГ
Военного университета МО РФ

Защита состоится 17 сентября 2021 г. в 11:00 часов на заседании диссертационного совета ПДС 0500.001 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, корпус 2 «А», ауд. 535 .

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах <http://dissovet.rudn.ru> и <https://vak.minobrnauki.gov.ru>

Автореферат разослан _____ .

Ученый секретарь
диссертационного совета ПДС 0500.001
кандидат филологических наук, доцент

С.Г. Коровина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современное переводоведение, развивающееся в русле антропоцентрической парадигмы языкознания, не мыслится без изучения *русской языковой личности переводчика* (А.Б. Бушев)¹, *проявляющейся в его стратегии* (Т.А. Волкова) при переводе оригинала на русский язык. Научные проекты, связанные с переводами на русский с ареально сопряженных с ним языков (И.С. Алексеева)², актуализируют интерес к нерусской билингвальной личности переводчика, профессиональный опыт которого сформировался внутри единой многонациональной культурно-исторической общности. Изучение особенностей переводов с языков РФ и ближнего зарубежья на русский расширяет исследовательское поле общей, специальной и частной теории перевода, сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания, способствует выявлению контрастности конкретной пары генетически и типологически родственных и неродственных языков, а также влияния российской переводческой мысли на развитие частных теорий перевода.

Общая история России и Казахстана, длительное многовекторное взаимодействие на протяжении четверти тысячелетия (начало 40-х XVIII – начало 90-х XX вв.³), активные социально-экономические контакты, гуманитарные и культурные взаимосвязи РФ и РК последних 3-х десятилетий обусловили громадный объем взаимных переводов. Вместе с тем вопросы истории, теории и практики перевода с русского на казахский и *vice versa* освещаются преимущественно в работах казахских и лишь отчасти российских ученых. В научном обороте имеются работы по проблемам перевода с русского на казахский, включая первые практики казахских поэтов и просветителей в XIX в., с казахского на русский, выполненные с подстрочника русскими писателями в XX в., и казахскими в XX и XXI вв. Однако работ, которые бы рассматривали особенности качественно нового этапа – 80-ые XX в., связанного с появлением билингвальных переводчиков – этнических казахов, сравнительно мало. Именно с этого времени – высокого уровня казахско-русского массового двуязычия в казахстанском переводоведении начинается осмысление перевода как вида профессиональной деятельности и преимуществ естественного (по Л.В. Щербе и Б.А. Серебренникову, «несмешанного») билингвизма в переводческой деятельности.

Таким образом, **актуальность** диссертационной работы определяется недостаточной изученностью как содержания понятия, заключенного в терминосочетании «стратегия перевода»/ «переводческая стратегия», так и истории и частных теорий перевода с русского и на русский с генетически родственных и неродственных языков постсоветской русофонной общности, а также

¹ Вывод Ю.Н. Караулова о невозможности познать язык без обращения к конкретной языковой личности актуален для теории перевода. См.: *Бушев А.Б.* Русская языковая личность профессионального переводчика [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2010. 48 с.; *Волкова Т.А.* Стратегия перевода как параметр изучения языковой личности переводчика // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск. № 6, 2012. С. 192-209.

² См.: *Алексеева И.С.* «Пир перевода национальных литератур» – слет слет в новом формате // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 1. С. 118-123.

³ 16 декабря 1991 года Казахстан последним из союзных республик объявил о своей независимости.

необходимостью изучения переводческой стратегии нерусской билингвальной личности.

Под *билингвальным автором*⁴ в данном исследовании понимается творческая билингвальная⁵ личность – поэт, писатель и одновременно профессиональный переводчик, владеющий обоими рабочими языками, сформированный внутри русско-инонациональной единой культурно-исторической общности.

Словосочетания *стратегия перевода* и *переводческая стратегия* используются в работе как равнозначные, а термин *переводоведение* как тождественное по значению *теории перевода*.

Основная цель диссертации – выявление переводческой стратегии билингвальной творческой личности в процессе перевода с казахского на русский язык.

Задачи исследования:

- провести сравнительный анализ российского и зарубежного опытов осмысления понятия *стратегия перевода* в разные исторические эпохи;
- основываясь на выводах сравнительного анализа, предложить обобщенное определение понятия *стратегия перевода*;
- конкретизировать перспективные для частной теории и практики перевода положения системной типологии языков;
- охарактеризовать становление истории и теории казахстанского переводоведения;
- основываясь на анализе теоретических и практических достижений казахстанских билингвальных переводчиков, обосновать качественно новый этап в развитии казахстанского переводоведения;
- выявить положительные и отрицательные стороны перевода с подстрочника;
- определить переводческую стратегию билингвальной творческой личности с казахского языка на русский.

В ходе диссертационного проекта решались сопутствующие задачи, обнаруживающиеся на разных этапах исследования.

Объектом исследования являются переводческие стратегии в их историческом развитии, а **предметом** – переводческая стратегия билингвальной творческой личности (владеющей обоими рабочими языками) в процессе перевода с казахского языка на русский.

Материал исследования обусловлен основной целью и задачами исследования. Выбор конкретного автора определяется тем, что изучаемый предмет отражен в теоретическом опыте и переводческой практике русскоязычного поэта и

⁴ Для определения творческой билингвальной личности (поэт, писатель) используется и определение *транслингвальный, транскультурный* автор. «Транскультурность, или транскультуральность, предполагает одновременное существование индивида в роли сразу нескольких идентичностей в разных культурах, с сохранением отпечатков каждой из них». См.: Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 2. С. 158.

⁵ Полилингвизм или многоязычие в принципе сводится к совокупности двуязычий. Несмешанный билингвизм свойственен языковым контактам, осуществляющимся в условиях высокого уровня образования и культуры. См.: Б.А. Серебrenников. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/serebrennikov.shtml (дата обращения 12.01.2021).

профессионального переводчика с казахского на русский язык Б.Г. Каирбекова. В поисках аналогий, дополнительной аргументации и достоверности мы обращались к опыту билингвальных (А.Ж. Жаксылыков, А.А. Кодар и др.) и полилингвальных переводчиков (Г.К. Бельгер) с казахского на русский. По этой же причине работа иллюстрируется примерами из переводов, выполненных с подстрочника переводчиками, не владеющими казахским языком.

Методологической основой исследования является синтез – обобщение достижений истории и теории перевода как в сфере изучения переводческих стратегий зарубежными (Дж. Кернс, Ф.-Д. Шлейермахер, В. фон Гумбольдт, Л. Сальмон, М. Бейкер, Р.Г. Тирадо, Д. Пленьска и др.), так и российскими переводоведами (В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Р.К. Миньяр-Белоручев, Н.К. Гарбовский, И.С. Алексеева, Т.А. Казакова, А.Г. Витренко, А.Ю. Виленский, В.В. Сдобников, С.Т. Золян, Т.А. Волкова, О.А. Теремкова, О.В. Кафискина, А.Ю. Ивлева и др.) в сочетании с подходом системной типологии языков к изучению генетически и типологически неродственных агглютинативных и флективных языков (Г.П. Мельников, О.И. Валентинова, М.В. Рыбаков и др.) и с учетом теории языковых контактов и билингвизма в части изучения речетворческой деятельности творческой билингвальной личности (У.М. Бахтикиреева, Л.В. Кривошлыкова, Е.А. Маркова и др.).

Методическую стратегию исследования определяет накопленный в русском языкознании и лингвистике дальнего и ближнего зарубежья опыт по а) осмыслению понятия *стратегия перевода*; б) изучению специальной – художественной, частной теории перевода (Г.К. Бельгер, А.Ж. Жаксылыков и др.); в) выявлению возможностей системной типологии языков для осуществления переводов с казахского на русский; г) лингвоперсонологии (Ю.Н. Караулов, А.Б. Бушев, Т.А. Волкова и др.). В процессе работы были использованы такие методы, как компаративно-исторический, дескриптивный, типологический; продуктивными оказались метод научной аналогии в синхроническом срезе, а также сопоставительный метод, позволяющий учитывать различное в гетерогенных лингвистических системах. В качестве метода используется и логико-семантический анализ.

Научная новизна исследования определяется тем, что *впервые* подвергаются исследованию переводческая стратегия билингвального переводчика с казахского языка на русский. Новаторским подходом является рассмотрение объекта и предмета исследования в исторической развертке и с опорой на достижения системной типологии языков, продуктивных для частной теории перевода (казахский – русский), и в сочетании с теорией билингвизма.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании продуктивности изучения переводческих стратегий профессиональных билингвальных (владеющих обоими языками) переводчиков; обобщении научного материала по стратегии перевода в зарубежной и российской лингвистике; конкретизации положений системной типологии языков (Г.П. Мельников), перспективных для общей и частной теории перевода с казахского, так и ряда других тюркских языков на русский.

Практическая ценность результатов проведенного исследования определяется возможностью их использования в процессе разработок вузовских

курсов по истории и теории перевода, контрастивной лингвистике, лингвокультурологии, этно(психо)лингвистике, когнитивной лингвистике и, собственно, в переводческой практике с казахского языка на русский. Основные результаты, сформулированные на основе продуктивных для переводоведения положений лингвистической концепции Г.П. Мельникова, могут быть экстраполированы на другие частные теории перевода (например, такие пары языков, как: карачаево-балкарский – русский; киргизский – русский; узбекский – русский и др.).

Степень достоверности и апробация результатов исследования определяется объемом сопоставляемого материала из поэтических и прозаических текстов, переведенных с казахского на русский язык. Результаты, полученные на разных этапах исследования, отражены в докладах на следующих конференциях: VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы профессионального образования в Республике Беларусь и за рубежом» (Витебск: МУ «МИТСО», 2020), Первые Международные педагогические чтения «Школа – учитель – инновации в современном мире», посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося педагога-новатора, общественного деятеля, Заслуженного учителя Казахстана, Героя Социалистического Труда (Павлодар: ПГПУ, 2021), XI Международная научно-практическая конференция «Научные исследования в сфере гуманитарных наук: открытия XXI века» (Пятигорск, ПГУ, 2021), Межвузовский Круглый стол молодых исследователей «Национальные образы мира в зеркале русского языка», посвященный Дню славянской письменности (Москва: РУДН, 2021).

Основные положения исследования оформлены в 9 научных публикациях общим объемом 73 (из них соискателю принадлежит 58), в том числе 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК при МНВО РФ, 2 – в изданиях, индексируемых в международной базе данных Scopus, Web of Science.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Термин *стратегия перевода* активно используется переводоведами дальнего зарубежья, а его трактовка варьируется в зависимости от доминирующего представления разных научных школ художественного перевода, а также от личного опыта переводчика, его школы и исторической эпохи.

2. Наличие в российском переводоведении двух противоположных точек зрения на понимание незафиксированного в академических изданиях термина *стратегия перевода* свидетельствует о многомерности и многоаспектности художественного перевода и о различных научных подходах к его толкованию, сложившихся в российской и зарубежной лингвистике.

3. Стратегия перевода как способ достижения конкретной цели зависит от интеллектуальных ресурсов конкретного переводчика и представляет собой осознанную, целенаправленную коммуникативную деятельность по преобразованию фрагментов оригинала и в конечном итоге всего исходного текста.

4. Теоретический опыт, накопленный в российском переводоведении и системной типологии языков, существенно влияет на развитие частных теорий перевода, в том числе с казахского на русский в силу длительного периода совместной истории.

5. Выводы основоположников системного подхода к языку, как в плане переводоведческих (В. фон Гумбольдт), так и, в частности – детерминантных подходов к анализу агглютинативных и флективных языков (Г.П. Мельников) имеют большую объяснительную силу для понимания стратегий перевода билингвальных переводчиков, владеющих обоими рабочими языками.

6. Упорядоченность системно-структурной организации гетерогенных в генетическом и типологическом отношении казахского и русского языков (как и любой другой пары языков) обуславливает потенциальную возможность их взаимного перевода. Уровень адекватности инварианта исходного текста – казахского на целевом – русском зависит от знания переводчиком узуального и типичного способа передачи информации носителями русского языка. Степень переводческой удачи находится в прямой зависимости от теоретической базы, профессионального опыта и стратегии, избираемой переводчиком, в полной мере владеющего обоими рабочими языками.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, актуальность и новизна исследования, определяются его цель и задачи, объект, предмет и методы, теоретическая и практическая значимость его результатов, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации его результатов.

Глава I. «Теоретико-методологическое обоснование изучения переводческих стратегий» состоит из трех разделов. Раздел **1.1. «Понятие ‘стратегия перевода’ в зарубежной лингвистике»** посвящен изучению вопроса истории возникновения и развития понятия ‘стратегия перевода’ в исследованиях зарубежных лингвистов. В разделе **1.2. «Опыт осмысления понятия ‘стратегия перевода’ в русском языкознании»** представлены результаты изучения работ российских переводоведов и практиков.

Сравнительное изучение осмысления понятия и терминосочетания ‘стратегия перевода’ показывает, что стратегические установки для переводчиков известны ещё с античных времен⁶. В Средние века требование идеального владения обоими рабочими языками и нежелательность подстрочного перевода сменялись в эпоху Возрождения требованиями *стратегии верности оригиналу* и соответствия системе принимающей лингвокультуры. В Новое время наряду с важностью сохранения *духа автора* и *вкуса эпохи* актуализировалась идея Ф.-Д. Шлейермахера о *переводе как о действии, не поддающемся схематизации*. Особо ценными стали идеи В. фон Гумбольдта – переводчика – практика⁷ о культурных маркерах («culture makers»), духе автора и оригинала, возможности выражения подлинника на любом языке с разной степенью удачи, об избираемых каждым переводчиком концепциях и представлениях. Эти установки немецких ученых позволяют

⁶ М.Т. Цицерон призывал «не подсчитывать, а взвешивать слова» Основы перевода: учебное пособие / У.М. Бахтикиреева [и др.]. Минск: Вышэйшая школа, 2019. 111 с. : ил. С. 13.

⁷ В. фон Гумбольдт писал об этом во «Вступлении» к своему переводу поэтического произведения Эсхилла «Агамемнон».

утверждать, что уже в Новое время в зарубежном переводоведении сложилось понимание невозможности создания единой стратегии, приемлемой для всех. Изучение работ британского профессора М. Бейкер (1992), финского лингвиста Э. Честермана (1997); американского переводчика и теоретика Л. Вентути (2001, 2005); представителя Польши Д. Пленьска (2014), испанского лингвиста и переводчика Р.Г. Тирадо⁸ и др. подтверждает вывод о том, что зарубежный опыт осмысления понятия *стратегия перевода* демонстрирует разные видения (Zohre Owji, 2017)⁹ и плюрализм подходов. Примиряющим все характеристики стратегий перевода представляется позиция итальянского теоретика и переводчика на русский Л. Сальмон, считающей теоретическую подготовленность переводчика – основой профессионального переводчика (Сальмон, 2007: 118, 127).

В российском опыте, давшем «много для развития мирового переводоведения, начиная от представлений о переводческой норме и языковых и литературоведческих принципах перевода» (З.Г. Прошина)¹⁰, наблюдается особое отношение к терминотворчеству, в т.ч. к пока еще не зафиксированному в академических изданиях терминосочетанию *стратегия перевода*. Существуют две противоположные позиции. В ряде работ теоретиков и переводчиков (А.Г. Витренко, А.Ю. Виленский В.И. Солопов и др.) эта дефиниция определяется как «научнообразная», размытая и неразработанная, чтобы занять место в переводоведческой терминосистеме.

Состоятельность и многозначность этой дефиниции доказывается рядом работ В.Н. Комиссарова, И.С. Алексеевой, В.В. Сдобникова, Т.А. Волковой, А.Ю. Ивлевой, О.В. Кафискиной, О.А. Теремкова и др. Так, конкретные стратегии и технические приемы усматриваются в принципиальных установках переводчика (В.Н. Комиссаров); в осознанно выбранных алгоритмах действий при переводе одного исходного текста (ИТ) или группы текстов (И.С. Алексеева). Они рассматриваются как: общая программа осуществления перевода в условиях определенной коммуникативной ситуации (В.В. Сдобников); определенная генеральная линия поведения переводчика по преобразованию ИТ (Н.К. Гарбовский); целенаправленное когнитивное поведение переводчика, направленное на решение коммуникативной переводческой задачи (О.В. Кафискина). Новые исследования (Э.Н. Мишуров, С.Т. Золян и др.) подводят к выводу о невозможности создания единой стратегии – закона для всех переводчиков, тем более в специальной теории (художественного) перевода. Сравнительный анализ двух опытов позволяет утверждать правомерность выработки каждым переводчиком собственной стратегии и сформулировать обобщенное определение: *переводческая стратегия – это осознанная, целенаправленная коммуникативная деятельность переводчика по преобразованию фрагментов и в конечном итоге всего исходного текста на целевом языке.*

⁸Рафаэль Гусман Тирадо. Особенности перевода художественного текста с русского языка на испанский (на материале перевода романа Евгения Водолазкина «Авиатор») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 2. С. 473-486.

⁹Zohre Owji, M.A. Translation Strategies: A Review and Comparison of Theories// Translation Journal Volume 17, No. 1 January 2013. URL:<http://www.translationjournal.net/journal/63theory.htm>

¹⁰Прошина З.Г. Подходы к пониманию переводческой нормы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Избранные работы 2004-2018, том 15, № 5 Спец. вып. С.7.

В разделе **1.3.** «*Стратегия перевода*» в свете идей системной типологии языков конкретизируются перспективные для частной теории и практики перевода положения основоположников системного подхода к языку. Идея В. фон Гумбольдта о том, что любая идея, хотя и с разной степенью удачи, может быть выражена на любом языке, согласуется с выводом Г.П. Мельникова о том, что различие в строе языков ведет «к различию в способах коммуникативной классификации конкретных и абстрактных смыслов и, следовательно, к специфике членения смыслов на значения при передаче ситуативного содержания. Однако, в конечном счете, это содержание остается одним и тем же, независимо от того, на «каком языке» думают участники коммуникативного акта»¹¹. По Г.П. Мельникову, разные языки представляют разные способы восприятия внешних проявлений действительности, реалий и объектов этой действительности, но не разных обозначений одного и того же предмета или физического явления. Несмотря на то, что ЯКМ любого народа этноспецифична, но на уровне пропозиций (функциональных и понятийных универсалий) она типична для всех языков, что и ведёт к взаимопониманию. Несовпадение способов вербального отражения действительности, нетождественность коммуникативной функции, её вариативность априори обуславливается различиями в языковых микро- и макросоциумах, в способах вживания в окружающую среду, способах хозяйствования на конкретной территории, различиями в географических, климатических, исторических, и социологических условиях общения (И.А. Бодуэн де Куртенэ,¹²; различиями во внеязыковом сознании (Г.П. Мельников, 2003).

Установки ученых-системологов о возможности выражения ИТ на целевом языке, говорит о возможности конгруэнтности содержания на обоих языках, несмотря на то, что однословная номинация в ИТ может быть заменена в инварианте когноминацией – большим числом слов. Следовательно, целенаправленная коммуникативная деятельность переводчика – билингва, сформированного в условиях естественного двуязычия, регулируется определённой моделью поведения при отборе семантических характеристик языковых единиц на целевом языке. Заимствованная из ИТ безэквивалентная лексика при переводе подвергается семантизации. Переводчик в таких случаях прибегает к когноминации – экспланаторному описанию, внося таким образом дополнительные оттенки и намеки. При таком подходе слова *кюй, жырау, барымта, женге, нагаши* и мн. др. не просто фиксируются в воображении читателей, оставаясь на их «оперативном экране», но и формируют новое знание, воздействуя на внеязыковое сознание читателей.

Глава II. Историко-лингвистические особенности развития переводческой деятельности в Казахстане посвящена описанию второго этапа исследования – реферативно-исследовательского. Введение раздела **2.1.** «*Историко-лингвокультурологический комментарий к истории переводческой деятельности Казахстана*» обусловлено необходимостью изучения истоков переводческого опыта на территории современного Казахстана и выявления особого влияния российского опыта на частные теории перевода. В историческом развитии тюркоязычные

¹¹Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с. С.13.

¹² По И.А. Бодуэну де Куртенэ, любую классификацию языков следует выстраивать, соблюдая необходимое условие, а именно – объяснять рассматриваемые факты «одновременно как в связи с историей, так и с географией, наконец, с физиологией и психологией и даже с физикой и механикой». См.: Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. –М.: АН СССР, 1963. Т.2. С.342.

народности сменили немало письменностей (А.С. Аманжолов)¹³. Рунический алфавит на средне- и центральноазиатской территории Средней Азии и Восточного Туркестана во второй половине I тыс. н.э. уступил манихейской графике (по В.В. Радлову, арамейской). Затем использовалась *согдийская* письменность, а позже *арабская* графика. Использование последней обусловилось распространением ислама среди тюркоязычных народностей. Таким образом, в Средней и Центральной Азии бытовали длительные периоды би-, полиязычия¹⁴ в силу множества торговых путей и связей разных народов на этой транзитной территории. Так, наряду с арабской письменностью существовала и «серединная», основанная на арабском и уйгурском алфавите – чагатайская письменная культура в XV–XVI вв., и переводческое дело¹⁵.

Последующее историко-лингвокультурное развитие народов центрально-азиатских территорий, в частности – казахского, стала осуществляться на кириллице и была тесно сопряжена с русским языком и культурой, и российским переводоведческим опытом. Этот вывод доказывается в разделе **2.2.** «*Страницы истории становления казахстанской переводческой деятельности*».

С середины XVIII в. «продолжается российская экспансия в Азии. В российское подданство вступают казахи <...>. Южная граница российских владений в Средней Азии окончательно устанавливается по договору с Великобританией в 1895» (В.И. Беликов, Л.П. Крысин)¹⁶. Начало вхождения казахских ханств под протекторат России (1731 г.) ознаменовывается тесными контактами двух народов и взаимными переводами. Миссионерская деятельность ориенталистов, востоковедов второй половины XVIII в. (А.Е. Алекторов, И.Н. Березин, В.П. Васильев, В.В. Катаринский, Н.И. Ильминский, П.М. Мелиоранский, В.В. Радлов, Г.Н. Потанин и др.) способствовала выходу в свет казахской литературы на русском языке. Рубеж XIX и XX вв. стал важным периодом в истории переводческой деятельности в Казахстане. Специальной *Переводческой комиссией* переводятся духовно-назидательные книги на казахской кириллице, созданной Н.И. Ильминским (А.А. Гаджиева)¹⁷. Публикации, посвященные художественному переводу, свидетельствуют о том, что переводческое дело оживает с конца XIX в. Инварианты произведений А.С. Пушкина и других классиков в исполнении поэтов и просветителей на казахский (Абай, Шакарим) стали новой ступенью частной теории перевода (русский → казахский).

«Настоящая индустрия переводческого дела» после I Съезда СП, стала эволюционным продолжением частных переводоведений. В это же время обсуждаются межъязыковые различия и особенности казахской и русской систем стихосложений. Вплоть до распада СССР использование русского языка в Казахстане было широко распространено во всех сферах жизни. Влияние русской

¹³ Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. Алматы: ЗАО «Издательство «Мектеп», 2003. 368 с. С.17.

¹⁴Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М., 2005. 339 с. С.115-119.

¹⁵Сулейменов О.О. Тюрки в доистории //АС АЛАН. М.: Мир дому твоему. №3(8) 2002. С.384-386.

¹⁶Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: РГТУ, 2001. 460 с. С.244.

¹⁷ Как отмечает А.А. Гаджиева «в 1876 г. при Братстве святителя Гурия была учреждена Переводческая Комиссия Православного Миссионерского Общества, которая занималась издательской и переводческой деятельностью» Гаджиева А.А. Анализ системы вокализма и консонантизма в первых кириллических книгах на казахском языке // Урало-алтайские исследования. №3(34), 2019. С. 53.

науки на научное сознание и на казахскую культуру сложно оспорить, как и влияние российского опыта в области теории перевода. Особый этап в казахстанской переводоведческой мысли наступает с конца 70-х - начала 80-х XX в. Этот период знаменуется высоким уровнем казахско-русского билингвизма: «Достижение всеобщего национально-русского двуязычия, ставшее стандартным лозунгом с 1970-х годов, имело целью не последующую русификацию, а по возможности быструю идеологическую унификацию в рамках провозглашенной тогда новой исторической общности – советских людей» (В.И. Беликов, Л.П. Крысин)¹⁸.

Со второй половины XX в. возрастает внимание переводчиков и теоретиков к качеству перевода. Благодаря основоположнику переводоведения писателю – классику М.О. Ауэзову, осуществившему перевод своего романа «Путь Абая», впервые заговорили об *авторизованном переводе* и типологических особенностях двух языков¹⁹. Термины *свободный, буквальный, адекватный, реалистический*, используемые со второй половины XX в., свидетельствуют о влиянии российского опыта на казахстанское переводоведение. Неоценимую роль в переводческое дело внесли русские переводчики, переводившие с подстрочника. Подстрочный перевод до сих пор является важной составляющей казахстанского переводоведения, поскольку еще недостаточно число выпускников вузов, которые бы, минуя переводы с русского, могли переводить с западноевропейских, восточных и других языков. Вместе с тем в последние годы возросло и количество диссертаций, исследующих «помехи в передаче информации» при переводе с промежуточного русского перевода на западноевропейские языки.

Большое число научных работ, а также периодика доказывают результативность новейшего времени (80-ые годы) в истории переводческого дела. В филологической науке формируется направление, изучающее особенности перевода с русского на казахский, аккумулирующее знания в рамках общей теории перевода, развивающегося в русском языкознании. Таким образом, становление частной теории перевода языковой пары: русский → казахский и *vice versa* окончательно завершилось в конце первой и начале второй половины XX в. С конца 1970 - начала 80-х начинается качественно новый этап в частных переводоведениях, включая – казахское. В дело вступают би-, полилингвальные личности – переводчики с филологическим образованием.

Раздел 2.3. «Переводческий опыт би-, полилингвальных творческих личностей (Г. Бельгер, А. Жаксылыков и др.)» посвящен реализации другой задачи исследования – обоснованию новейшего этапа в развитии казахстанского переводоведения.

Новый этап в переводческой деятельности с русского и на русский со всех письменных языков народов СССР после I Съезда СП, обусловил появление этнически нерусских переводчиков-билингвов, владевших русским языком на высоком уровне. Их переводы отличались от инвариантов оригиналов, выполненных переводчиками, не знавшими языка ИТ и работавших исключительно только с подстрочником. Никак не умаляя вклад других профессиональных

¹⁸Указ. Соч. С. 289-290.

¹⁹Ахметов З.А. Поэтика эпопеи «Путь Абая» в свете истории ее создания. Алма-Ата: Наука, 1984. 256 с. С.99.

переводчиков, акцентируем внимание на опыте Г.К. Бельгера²⁰ и А.Ж. Жаксылыкова. Хотя они не оперируют дефиницией *стратегия перевода*, их опыт сравнительно-сопоставительного изучения ИТ и инвариантов позволяет определить своего рода стратегические установки.

Владея тремя языками, Г.К. Бельгер перевел более двухсот произведений казахской и немецкой классики на русский язык. Его тактики выражены в его предпочтениях: переводить оригинал, «а не вышивать узоры ‘по мотивам’ на свой салтык»; переводить только с тех языков, которыми владеет в полной мере («Ни за какие коврижки не смог бы переводить, скажем, с якутского или хакасского») и др. Отсюда конструктивная критика Г.К. Бельгера инвариантов классики, выполненных с подстрочника Ю. Кузнецовым, Ю. Казаковым, Вс. Рождественским, М. Петровых, М. Гарловским, Л. Озеровым, Ю. Нейманом, О. Румером и др.. Замеченные им «изъяны» обусловлены знанием «многозначного, многопланового, многокрасочного, многоликого» абаевского слова, пониманием разноструктурности этих языков и несовпадения «многих языковых представлений, выражений, мировосприятий, образов», редкости «адекватов», покрывающих содержание и форму.

Ощущение разницы между мироощущениями кочевников и земледельцев подводит его к выводу о том, что русский человек вполне обходится словами «верблюд, верблюдица, верблюжонок», однако казаху потребуется 13 наименований, не говоря уже о «лошадином» словаре. Когда в ИТ появляются верблюд, лошадь и баран, подчеркивает Г.К. Бельгер, переводчику надо быть начеку, «иначе конфуз неминуем». «Не везет что-то Абаю с лошадьми в русском переводе». Подвергая критике неряшливые переводы с допущением русских слов: «*бурки, сазы, бандуры, дутары*», он против того, чтобы «аульные молодки и старухи, дети и аксакалы на каждом шагу прибегали к старой, но, увы, исконной русской фразеологии».

Теоретическое наследие Г.К. Бельгера основано на глубоком понимании корреляции между «национальным духом» и «духом языка»: «У каждого народа своя ментальность – своеобразный склад ума, свое мироощущение, миропонимание. Казаху, например, не свойственна четкость в европейском понимании. Он предпочитает речи иносказательные, метафорические, с намеками, с красочными образами, витиеватые»²¹. Как видится, стратегические установки Г.К. Бельгера сходны с установками ученых-системологов.

Переводческое дело, с позиции А.Ж. Жаксылыкова,²² – дело государственной важности. «Лучшие образцы казахской литературы, фольклора, философской и культурологической мысли должны также активно переводиться на другие языки,

²⁰ Среди уникальных казахстанских переводчиков особое место принадлежит переводческому наследию *Герольда Карловича Бельгера* (1934-2015) – известного казахстанского прозаика, переводчика, публициста, эссеиста, автора более четырех десятков книг, более полутора тысяч публикаций в периодической печати. В возрасте 7 лет он со своими родными в числе всех немцев СССР был депортирован в Казахстан. (Подробно о переводческом вкладе в теорию и методологию казахстанского переводоведения мы написали в отдельной статье, в журнале ФН, 2021).

²¹ См. труды *Бельгера Г.К.* Жизнь – эпопея (эссе-триптих, статья). Алматы, 2009. 144 с.; Ода переводу. Литературно-критические статьи, исследования, эссе о проблемах художественного перевода. Алматы, 2005. 418 с.; Властитель – Слово. Почему трудно переводить Абая? // Абай. Двадцать стихотворений на трех языках. Астана, 2008. 136 с.

²² Недостаточно известным для российских исследователей остается вклад ученого, филолога, русскоязычного писателя, переводчика и критика перевода *Аслана Жамильевича Жаксылыкова* – профессора кафедры перевода КазНУ имени аль-Фараби.

прежде всего на русский и английский. Эти переводы могут выполняться на высоком уровне, ведь у нас есть большой отряд русскоязычных писателей, поэтов, философов, культурологов. Однако планомерного процесса нет»²³. Ученый отстаивает качественный перевод, который невозможен без профессионализма – основы мастерства переводчика, глубоко освоившего базовые, корневые признаки «психологии народа, с языка которого переводится произведение». Переводческие «ляпсусы» он связывает с недостаточно глубоким проникновением в психологию народа, в экспрессивно-стилистические особенности его языка.

Размышляя о новом варианте перевода «Пути Абая», осуществленном Ан. Кимом, А.Ж. Жаксылыков призывает к сравнительно-сопоставительному анализу переводов, выполненных в разное время, считая важным появление новых интерпретаций подлинника в связи с наступлением нового времени («вкуса эпохи») и поколения читателей. Анализ перевода М.О. Ауэзова «Коксерек», выполненного с подстрочника А. Пантиелевым, подвел ученого к выводам о том, что обнаруженные случаи опущения этнолингвистических реалий редуцируют знания, необходимые русскоязычному читателю. На большом числе примеров переводовед показывает *потери* для русской аудитории читателей. Определяя перевод А. Пантиелева как *вольный*, он отмечает, что «идейное содержание произведения подверглось аберрации».

Глоссарии А.Ж. Жаксылыкова для учебников и пособий содержат слова-символы, аллегории, идиоматический, метафорический фонд языка, архаизмы и субстраты, слова с доисламским религиозным и мифологическим знанием, лексику со специальным этнокультурным содержанием, многозначные слова. Приводя объемный список слов с институальным значением, он подчеркивает, что подобная лексика «является не только реалиями, но и семантически значимыми этнокультурными единицами, требующими при переводе специальные комментарии», большая часть лексики «нуждается в транслитерации с пояснениями, ибо это названия этнологического, культурного содержания». Размышляя в отношении предпереводческого анализа, А.Ж. Жаксылыков называет эту работу психологическим аспектом подготовки к переводу ХТ. Как и зарубежные и российские переводоведы, ученый считает, что переводчику необходимо постоянное (пере)осмысление феноменологических теорий, в т.ч. Э. Гуссерля, поскольку все это связано с синтетической теорией слова.

Теоретики и практики Г.К. Бельгер и А.Ж. Жаксылыков внесли неоценимый вклад в развитие казахстанской переводческой мысли, в теорию перевода с казахского на русский, в частности – осмыслив и описав различные способы кодирования фрагментов окружающего мира, выраженные в национально-маркированном фонде лексики.

Глава III. Переводческая стратегия русскоязычного поэта и профессионального переводчика Бахыта Каирбекова посвящена выявлению переводческих «концепций и представлений» и описанию результатов анализа переводов Бахыта Каирбекова – русскоязычного поэта, режиссера, сценариста,

²³См. подробнее: Жаксылыков А.Ж. Актуальные проблемы художественного перевода и развитие казахской литературы: хрестоматия. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 136. Художественный перевод и литературный процесс (избранные лекции, исследования и методические рекомендации). Учебное пособие. – Алматы: «Таңбалы», 2013. – 312 с.

профессионального переводчика, выпускника отделения художественного перевода Лит. института им. А.М. Горького (Мастерская Льва Озерова).

Переводчик классических и современных авторов (поэзии Асана Кайгы, Бухаржырау, Ақтамберды-жырау, Абая, Гафу и др.; прозы Ш. Кудайберды, Г. Каирбекова, А. Сейдимбекова, А. Альпеисова, Т. Журтпаева и др.) Б.Г. Каирбеков родился в Алма-Ате в семье известного народного писателя (поэта) и переводчика с русского языка на казахский. Получивший на русском языке разностороннее образование, Б.Г. Каирбеков с детства воспитывался в глубоком уважении и любви к своей родине, народу, его языку и культуре. Способ вживания казахского народа в окружающую среду «девятой территории мира», его традиции и обычаи являются объектом и предметом его научной и творческой деятельности. Его выводы, основанные на собственной переводческой практике и опыте коллег, – суть отражение принципов школы перевода И.А. Кашкина. Он остается приверженцем принципов этой школы и вуза, стоявшего у истоков создания теории художественного перевода. Отсюда проистекает его стремление к основной стратегической установке – выразить дух оригинала и автора.

Наиболее важными статьями для выявления его переводческой стратегии и тактических приемов являются: «О художественном переводе» (1986) и «Два крыла Пегаса» (2008)²⁴. В первой работе фокусируется внимание на комплексе проблем, стоящих перед казахстанским переводоведением. Говоря о переводе текстов поэтических, Б.Г. Каирбеков отмечает «поверхностность и убийственную прозаичность» подстрочника (1986: 75-77).

Переводческая стратегия Б.Г. Каирбекова, обусловлена, прежде всего, его собственным поэтическим творчеством и включает в себя следующие основные тактические задачи: а) *знакомство с поэтическим мышлением автора подлинника*; б) *осмысление в единстве трех составляющих: смысла, стиля, звука оригинала – его «нерва»*; в) *поиск точного полнозвучного русского слова при переводе как поэзии, так и прозы*; г) *поиск новых стихотворных размеров с целью разнообразить перевод ритмически*; д) *предпочтение адекватности содержания адекватности читательского восприятия*. Эти основные тактики, направленные на реализацию стратегии, выработаны Б.Г. Каирбековым на основе глубокого знания казахской системы образов и возможностей русской языковой системы и эстетики. Выявленные на основе анализа переводческая стратегия и тактические действия Б. Каирбекова в разделе **3.1 «Переводческое кредо билингвального автора»** доказываются в двух последующих.

Приведем из раздела **3.2. «Особенности перевода Б. Каирбековым стихотворных произведений»**, несколько примеров, иллюстрирующих применение каирбековских тактик, направленных на реализацию стратегии.

Чрезвычайная сложность перевода поэтического наследия Абая, с позиции Б.Г. Каирбекова, может быть преодолена, если переводчик относится к автору оригинала, «постоянно чувствуя неразрывную связь с ним, опираясь на него, как верного спутника своего, находя в нем каждый раз новые грани высокой всегда

²⁴Каирбеков Б.Г. О художественном переводе // Далекие и близкие. Избранные переводы. – Астана: Аударма, 2012. – 288 с. Два могучих крыла Пегаса // Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы. Сб. статей I Международной научно-методической конференции. – М.: РУДН, 2008. – С. 78-84.

актуальной нравственности». На основе сравнительно-сопоставительного анализа проиллюстрируем это на одной строфе стихотворения Абая «Қайғы келсе қарсы тұр, құлай берме», обратившись к результатам перевода Б. Каирбекова, А. Гатова и Л. Руста.

Қайғы келсе қарсы тұр, құлай берме,
Қызық келсе, қызықпа, оңғаққа ерме.
Жүрегіңе сүңгі де, түбін көзде,
Сонан тапқан шын асыл, тастай көрме.

Если придет горе, стой супротив, не
падай / Если придет веселье, прими
спокойно, не предавайся ликованию
/ Слушай сердце, взглядишь
в источник (корень) его,
/ И найденное там не потеряй.

Подстрочник наш. – Б.Ш.

В рабочем переводе Б. Каирбекова: *Не падай духом – нет печали вечной, / Не возликуй – ведь краток счастья миг. / Найди себя во глубине сердечной, / И найденный – не замути родник.* Версия А. Гатова с подстрочного перевода двух строк третьей строфы: *Загляни в свое сердце и там, в глубине, / Отыскав жемчуга, береги, не бросай!* Вариант перевода Л. Руста с подстрочника: *В глубь сердца своего уидя, / Храни, лелей / Сокровище, что обретешь / Ты в глуби той.*

А. Гатов использует вместо слова *родник* слово *жемчуга*, Л. Руст – *сокровище*. Б. Каирбеков вместо слова *источник* использовал слово *родник*. Если сопоставить все три метафоры, то получаем: *жемчуга, сокровище, родник*. Учитывая смысл предыдущих строк и двух последующих, то *родник* сродни *источнику*, динамичному, находящемуся в движении, несущему жизнь. Тогда как *сокровище* и *жемчуга* демонстрируют статику, а не работу сердца. На этом примере отчетливо проявляются тактические шаги переводчика Б. Каирбекова.

Другой пример – перевод произведения «Бұл заманда не ғаріп ?» *жырау Асана Кайғы*²⁵ – одного из родоначальников казахской литературы, певца, сказителя, носителя религиозно-психологического сознания традиционного типа, наследника и продолжателя древних, реликтовых стилей и принципов творчества²⁶. Название произведения состоит из вопросительного предложения, все остальное содержание (23 строки) – ответ на поставленный *вопрос*: «В это время что несчастье?». *Ответ* схематично выглядит так: «Несчастье, если (или когда) ; Если / когда , то несчастен / несчастна»; Если / когда такой-то, такой-то ..., то несчастен или «это – несчастье. «Информационная однотипность» обусловлена «синтаксической однотипностью высказывания» (Г.П. Мельников). Каждый ответ на один поставленный вопрос по сути перечисление новых сведений, слушатель получает новые свойства и признаки обозначенного в теме-подлежащем, в нашем случае – вопросе.

Сравнительно-сопоставительный анализ трех переводов выявил, что стратегии и тактики у переводчиков разные. Они проявляются и в названиях, и в объеме, и

²⁵ *Асан Кайғы* – легендарный поэт, философ, живший в XV веке. Был влиятельным бием Улуг-Мухаммеда, в Сарае и Казани, после смерти которого был приглашен ханом кочевых узбеков Абулхайром. Затем стал советником и наставником первых казахских ханов Керей и Жанибека. Предположительно именно он их вдохновил на создание нового праведного государства. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Асан_Кайғы (дата обращения: 18.01.2020)

²⁶ См.: Жаксылыков А.Ж. Ук. Соч., 2011: 84.

в передаче содержания ИТ. В переводе Б. Каирбекова «Что в наше время назову несчастьем» сохранены формальные стороны: размер, ритм, рифма и др. В переводе с подстрочника Вс. Рождественского «Что в жизни считать несчастьем?» представлен «усеченный» объем информации – 14 строк. В версии билингва А. Кодара «Что же в наш век достойно жалости?» всего 12 строк.

Для наглядности приведем ещё один фрагмент: *Қадірін жеңге білмесе, / Бойға жеткен қыз заріп.* Эти 2 из 23 строк оригинала, как и другие, содержат этноонтологическую лексику (*жеңге, бойға жеткен қыз*), в которых заключено древнее архетипическое ядро казахской культуры. В казахской языковой системе лексема *жеңге* – *жена старшего брата*. Звательная, уважительная форма *женгей, жеңеше* используется и сейчас, при обращении к женщине, вышедшей замуж за родственника по крови. Если в былые времена молодые люди приходили на посиделки под приглядом *жигит-ага* – мужчины старше их, то девушек сопровождали *жеңге*. За незамужней младшей сестрой мужа присматривала *жеңге*, учившая её этическим нормам, напр.: как вести себя и что носить дома и в общественных местах; прививавшая поведенческие и хозяйственные знания и навыки. Важная функция *жеңге* – достойно выдать замуж девушку, достигшую замужнего возраста. Молодые люди выражали свои чувства к понравившейся девушке через *жеңге*. И даже свекровь, как правило, прямо не выговаривала ей свои замечания. По сию пору у казахов актуальна пословица: «Выговариваю дочери – слушай сноха».

Значимость и особое социальное положение *жеңге* богато отражено в казахской паремиологии и этому способствовало положение *ага* – старшего брата в традиционной казахской семье. Ещё В.В. Радлов выделял 6 значений слова *ага*. Оно используется и в значении *эке* – отец. *Ага* – *старший, уважаемый в семье и роду человек, наставник, защитник и опора*. Более того, младшие братья и сестры не могли называть его по имени – это запрещалось, а использовались вокативы с различной уважительной коннотацией: *агажан, агеке, ағатай, ағатайым, агекем, ағашым*. Большое число пословиц, посвященных *ага*, и сегодня в повседневной речи используют казахи.

На примере раскрытия особенностей одного «культурного маркера» – *жеңге*, заключающего в себе национальную традицию, выработанную предшествующими поколениями казахов, можно судить о тактиках и стратегии каждого переводчика.

*Қадірін жеңге білмесе,
Бойға жеткен қыз заріп.*

*Достоинства жена старшего брата
если не имеет,
Возраста (соответствующего
замужеству, но не замужняя),
достигшая девушка несчастна.*

Подстрочник наш. – Б.Ш.

*Станет жизнь для золовки карой,
Коль снохи ядовит язык.*

Б. Каирбеков

*Тетка, не ценящая родню,
Для девушки взрослой – несчастье.*

Вс. Рождественский

*Девушка на выданье, не понимаемая
женге.*

А. Кодар

Как видим, положение и функции *жеңге* в традиционной культуре казахов не нашли никакого отражения в версии Вс. Рождественского – переводчика – монолингва. *Жеңге* – никак не ассоциируется в казахской культуре с *теткой*.

Отвечая на вопрос: «Что же в наш век достойно жалости?», билингв А. Кодар – непрофессиональный переводчик «эксплуатирует» синтаксические возможности русского языка для выражения агглютинативной техники высказывания. Так могут говорить носители русского языка, но это далеко не правило. Агглютинативная «монотонность», воспроизведенная на русском, привела к потере нового знания, которое следовало переводчику донести до читателя. Строка «*Девушка на выданье, не понимаемая жеңге*» едва ли послужила средством для расширения кругозора и миропонимания казахской культуры. У читателя причастие (страд. залога) – *не понимаемая жеңге* требует дальнейшей развертки: *не понимаемая* кем? Заимствованная лексема *жеңге* не склоняется в соответствии с законами русской языковой системы.

Анализ всего содержания ИТ и перевода наглядно продемонстрировал отказ Б. Каирбекова от «монотонного, однообразного ритмического штампа», органичного на казахском, но неприемлемого на русском. Буквальное воспроизведение ИТ средствами русской флективной техники «утомила» бы читателя и не обогатила его новыми знаниями. Жертвуя *буквой*, переводчик доводит до читающих знание о том, что, на самом деле, неудавшаяся *жеңге* – *кара* для золовки.

Перевод Б.Г. Каирбекова наиболее полно и точно передает этноонтологическую информацию. Успех обеспечивается за счет кропотливого изучения специфики содержания оригинала жырау XV в., осмысления поэтического мышления Асана Кайгы, выявления «*нерва*» оригинала, понимания грамматического строя разноструктурных языков и особенностей казахского мироощущения, отбора равновесного русского слова и трансформации стихотворного размера жырау в традиционном для русской аудитории размере. Проиллюстрируем эти выводы на переводе программного для казахов стихотворения «*Туады, туады әлі нағыз ақын*» – «*Придет, придет ещё настоящий Поэт*» выдающегося казахского поэта Мукагали Макатаева (1931 г.), имя которого многие исследователи ставят в один ряд с казахскими классиками. И здесь Б. Каирбеков не изменяет своему переводческому кредо. Знакомясь с «почерком» поэзии этого автора, Б. Каирбеков замечает, что в отличие от Абая и поэзии жырау, в которых «*‘кочевой’* характер казахской лирики чаще всего выражается глагольно», в поэзии М. Макатаева важно «*уловить и передать именно Движение – как главную суть образа жизни кочевника*». В случае же с М. Макатаевым оно (движение) «*обретает форму шаманского заклинания*». ИТ пронизан идеей ожидания, явления Поэта, судьбоносного для казахского народа. Не случайно автором дважды – в первой и пятой строках – используется лексический повтор: *Туады, туады әлі нағыз ақын (Придет, придет ещё настоящий Поэт)*. Крик души, отчаяние, надежда, вера, выраженные в первой строке, в пятой – сменяются утверждением факта, что Истинный Поэт станет реальным явлением. Намеренно используемый прием-повтор подчеркивает «*дух*» и «*нерв*» ИТ, главную мысль автора.

Оригинал

1. Туады, туады әлі нағыз ақын
2. Нағыз ақын бал мен у
тамызытын.
3. Жесірдің айырылмас сырласы
боп,
4. Жендеттің көзінен жас
ағызатын.
5. Туады, туады әлі нағыз ақын!
6. Жыр сөздері жай болып
атылғанда,
7. Атылғанда аспаннан
оқылғанда,
8. Мылқауларға тіл бітіп, керек
естіп,
9. Жанар пайда болады
соқырларға.

(Мақатаев, 1982: 108)

Перевод Б. Каирбекова:

Он придет, настоящий поэт! Он придет!
Будет слово его – словно яд, словно мед.
И тогда безутешный в нем друга найдет,
В покаяньи слезами палач изойдет...
Он придет, настоящий поэт, он придет!
И как молнии в небе слепящий разряд,
Строки жгучие тьму над толпой озарят!
И глухие – услышат, немые – язык обретут,
И слепые прозреют и очи к нему обратят!

Оригиналу характерно обилие глаголов, на 9 строк приходится 13 глагольных форм: *туады, туады, тамызатын, сырласы боп, ағызатын, туады, туады, жай болып атылғанда, атылғанда, оқылғанда, тіл бітіп, естіп, пайда болады*. Они придают тексту экспрессивность, ритм, усиливают выразительность всего высказывания, его напряженность. ИТ отличается разнообразием лексических и стилистических средств – фигур, тропов, фразеологических выражений.

Сравнительный анализ свидетельствует о бережном подходе Б. Каирбекова к рассмотрению стилистических особенностей ИТ. Так, одним из стилистических приемов М. Мақатаева является сравнение, которое используется им как приём, стимулирующий ассоциативное и образное мышление, что позволяет достичь эмоционального воздействия на реципиента. Сравним фрагмент ИТ и перевода Б. Каирбекова:

Жыр сөздері жай болып атылғанда – И как молнии слепящий разряд.

Одной из часто встречающихся фигур образной речи является параллелизм, на котором в целом построен ИТ. Так, автор, вслед за ним и переводчик путем

Подстрочный перевод

1. Родится, родится еще настоящий поэт,
2. Настоящий поэт, мед и яд
проливающий.
3. Вдове неразлучным станет другом,
4. Палача сделает плакающим.
5. Родится, родится еще настоящий поэт,
6. Когда слова стихов как молния
взорвутся,
7. И сверкнувшие, прочтутся на небе,
8. Немые заговорят, глухие услышат,
9. Свет появится для слепых.

(подстрочник наш. – Б.Ш.)

повтора предложения подводят читателя к основной мысли произведения: *Туады, туады әлі нағыз ақын – Он придет, настоящий поэт! Он придет!* Синтаксический параллелизм во второй строфе передан в сочетании с анафорой: *Мылқауларға тіл бітіп, керең естіп, (подстр.: Немой заговорит, глухой услышит,) Жанар пайда болады соқырларға (подстр.: Свет явится слепым).* Перевод Б. Каирбекова: *И глухие – услышат, немые – язык обретут, /И слепые прозреют и очи к нему обратят! /*

Выражение, построенное на противопоставлении, передается устойчивым сравнением: *Нағыз ақын бал мен у тамызатын / Будет слово его словно яд, словно мед.* Адекватно переданы эмоциональная окраска, образность и следующего устойчивого сочетания слов: *Жендеттің көзінен жас ағызатын / В покаяньи слезами палач изойдет.*

Сравнительно-сопоставительный анализ перевода этого выражения в исполнении других переводчиков: *Нағыз ақын бал мен у тамызатын – / Который мёд и яд приносит в этот свет* (перевод Ж. Баймухаметова); *Он медом и ядом стихов напоит белый свет* (пер. О. Жанайдарова); *На чьих устах – и яд, и мед* (пер. Ю. Александрова).

Жендеттің көзінен жас ағызатын – / От человеческих палач заплачет бед (пер. Ж. Баймухаметова); *Жестоких заставит заплакать – пусть держат ответ* (пер. О. Жанайдарова); *Заставит плакать палача* (пер. Ю. Александрова).

Как видим, в целом все варианты в смысловом и стилистическом отношении близки к ИТ, тем не менее перевод Б. Каирбекова отличается большей выразительностью и лаконичностью. В целом содержание ИТ передано, хотя в отличие от перевода Б. Каирбекова, использующего тактику поиска равнозначного русского слова, остальные прибегают к добавлениям и опущениям. Так, в текстах перевода О. Жанайдарова и Ж. Баймухаметова количество строк сохранено с добавлениями и опущениями, использованием плеоназма – *на трассах (небесных) дорог.* В интерпретации Ю. Александрова встречаются строки, слова и выражения, отсутствующие в ИТ: *(И станут щедрыми скупые)*, не сохраняется повтор важной, ключевой строки *(Туады, туады әлі нағыз ақын)*, опущена часть строки – *керең естіп*, используется эпитет *высокий (Высокой дружбою уймет)*.

Сопоставляя переводы, замечаем, что слово *жесірдің* (от слова *жесір* – вдова в трех случаях передано на русский буквально, в работе же Б.Г. Каирбекова использовано слово *безутешный*, переводчик тем самым вкладывает больше смысла в эту лексему, расширяя круг категории людей, в защиту которых *настоящий поэт* может выступить.

Б. Каирбековым также использованы аллитерация и ассонанс. На протяжении всего текста перевода наблюдаем повтор звука [т]: *придет, поэт, придет, будет, яд, мед, тогда, найдет, изойдет, придет, поэт, придет, разряд, строки, тьму, над толпой, озарят, услышат, обретут, прозреют, обратят.* Во второй строке первой строфы – ассонанс на гласный [о]: *Будет слово его – словно яд, словно мед*, а в строке *В покаяньи слезами палач изойдет* – ассонанс на гласный [а], в середине же второй наблюдается усиление гласного [у]: *Строки жгучие тьму над толпой озарят! / И глухие – услышат, немые – язык обретут.* Использование приема звукописи способствует усилению смыслового и эстетического эффекта ИТ. В целом, переводческие тактические задачи и стратегия Б.Г. Каирбековым реализованы. Все компоненты образности ИТ, смысловая нагрузка, стиль, звук направлены

на передачу эмоционального напряжения, что доказывает высокий уровень компетентности, теоретическую подготовленность, профессионализм и ответственность перед «духом автора».

В разделе 3.3. «Особенности перевода прозаических произведений» рассматриваются способы семантизации заимствований. Заимствования «суть не что иное как стилистически маркированные замещения лексических лакун» [Копыленко, 1990: 7]. Важность перевода подобной лексики очевидна в силу содержания в ней древнего архетипического ядра любой культуры. Подобные слова следует воспроизводить, не изменяя, поскольку замещение их неизбежно приводит, по З.А. Кучуковой – «к «утечке», онтологической информации». Отсюда особую важность приобретает «разговор о способах передачи этноонтологически значимых характеристик текста»²⁷.

Таким образом, культурный маркер при переводе требует контекста, своего рода мини лингвокультурологического глоссария – «описательного перевода» (В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, 2006). Если оперировать терминами Г.П. Мельникова применительно к переводоведению, *однословная номинация* – это и есть этноспецифичная языковая единица, при переводе которой на иной язык потребуются *когноминация* – экспланаторный контекст [Мельников, 2003]. Эти выводы проиллюстрированы на ряде фрагментов перевода повести «Аккыз» А. Сейдимбека (1942-2009), выполненного Б. Каирбековым под названием «Всадник на белом коне».

Несмотря на обилие лексем, характеризующих традиционный быт казахов, Б. Каирбеков эксплицирует посредством транслитерации около 35 казахских лексем на 48 страницах ИТ, а также арабизмы из религиозной сферы, приспособленные к казахскому произношению: *молла, шариат* и др.. Стратегия переводчика-поэта и переводчика прозы Б. Каирбекова несколько меняется. Он использует такие приемы, как *дословный и описательный перевод, трансформация, лексические замены (добавления и опущения), генерализация*. В необходимых случаях Б.Г. Каирбеков добавляет *метафорические выражения*. Его стратегия направлена на максимальную кооперацию с читателем: семантика заимствований раскрывается интратекстуально во избежание частых излишних ремарок. Наиболее рекуррентные заимствования семантически эксплицируются по ходу прочтения текста. Из имен существительных в ИТ встречаются лексемы *барымта, барымтач, апа, нагаши, женге / женгей, корпе, соил, саба, торсык, иримшик, ожау* и другие, известные русскоязычному читателю: *аксакал, жигит, чубарый, юрта*. Значение заимствований Б.Г. Каирбеков передает в переводческих ремарках: *саба* – большой бурдюк из выделанной прокопченной конской кожи для приготовления и хранения кумыса; *сырмак* – вышитая (стеганая) кошма (войлок); *торсык* – бурдюк (посуда из кожи для хранения и перевозки жидкости) и др. Подобную стратегию предпринимают практически все переводчики с казахского на русский. Однако по ходу развертки сюжета Б. Каирбеков прибегает к «оживлению» образа. Напр.: *барымтой – угоном лошадей – увлекались самые отчаянные джигиты; Барымта! Вот где нужна твоя ловкость, сила, где даже погоня – отчаянная скачка!* и др. При такой тактике слово *барымтач* не представляет сложности для восприятия, поскольку оно появляется после

²⁷Кучукова З.А. Карачаево-балкарская вертикаль. – Нальчик: Эльбрус, 2015. – 304 с. С. 232, 235.

См. также: Кучукова З.А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (Карачаево-Балкарская ментальность в зеркале поэзии). – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2005. – 312 с.

освоения читателем лексемы *барымта*. Б.Г. Каирбеков, добавляя к корню слова аффикс *-ач*, предлагает своему читателю новую словоформу, обозначающую автора действия: *скрипач, басмач, толмач, трепач, рвач* и др. Подобная тактика используется с другими заимствованиями: *нагаши – нагашы, борик, чапан, камзол* и др. Все эти лексемы гармонично вплетены в контекст и не вызывают отчуждения в силу кириллической казахской графики. Они не просто фиксируются в воображении читателей, оставаясь на их «оперативном экране», а с дополнительными оттенками и намеками переводчика воздействуют на их внеязыковое сознание. Выполняя номинативную функцию, одновременно выполняют и функцию конкретизации, сюжето- и текстообразующую функции.

Интересны примеры передачи Б. Каирбековым контекстной динамики ситуации. Предложение: *Тежегішті бірнеше рет басып көріп еді, тоқталатын түрі жоқ* буквально переводится так: *Тормоз несколько раз пробовал нажимать, останавливаться (машина) не собиралась*. Б.Г. Каирбеков перевел следующим предложением: *Асет нажал на тормоз – раз-другой – безрезультатно!* (из повести А. Альпеисова «Қашқын суыр» – «Сурок-беглец»). Таким образом, фрагмент из 3-х слов: *тоқталатын түрі жоқ* выражено одним словом: *безрезультатно*. И здесь тактический шаг переводческой замены оправдался и достиг цели.

Примеры *опущений* используются Б.Г. Каирбековым во избежание «монотонного» описания. Показателен пример с предложением, состоящим из десяти слов: *Ол бір кез аспан айналып жерге түсердей шілденің шіліңгірі еді. – Июль. Самое пекло. Двух односоставных предложений оказалось достаточно для описания особенностей конкретного времени. Такие лапидарные предложения динамичны и экспрессивны, за счет чего переводчик освобождает текст и читателя от «монотонности», лишней нагрузки. К подобной тактике Б.Г. Каирбеков прибегает при переводе предложения с тремя однородными членами: *Жүзінде жақсылықтың, адамдықтың, мейірімнің жылт еткен нышаны болсашы*. Лексемы: 1) *жақсылық*, 2) *адамдық*, 3) *мейірім* означают 1) доброта (зд. активна сема *хорошие деяния*) 2) человечность, 3) доброта (зд. актуализируется сема *сострадание*). Аффиксы: 1) *-тың*, 2) *-тың*, 3) *-нің* в указанных словоформах буквально добавляют к переводу существенное значение, которое переводится так: *(что-то) от доброты, человечности, сострадания*.*

Б.Г. Каирбеков переводит предложением: *Хоть бы что-то настоящее промелькнуло в этих обмельчавших лицах!* В этом предложении заключено сожаление по поводу отсутствия доброты, человечности и сострадания, отчаяние, что *ничего человеческого* не мелькнуло, даже намек на это нет (*жылт еткен нышаны болсашы*), которое и выражает Б.Г. Каирбеков посредством восклицательного знака, жертвуя дословным переводом трех слов.

Интерес представляет пример метафорического перевода: *Вот уже вся степь превратилась в такыр – тысяча морщин паутиной накрыли безжизненное тело земли*, вторая часть в ИТ отсутствует. Здесь переводчик использует тактику описательного перевода для раскрытия семантики безэквивалентной лексемы *такыр* (буквально – *лысый, высохшая / выжженная солнцем степь*).

Когнитивная работа переводчика, свободно владеющего двумя языками и изыскивающего в русском языке средства, способные приблизить перевод к духу оригинала видится в переводе слова *кемпір* (*старуха*). Б. Каирбеков не

ограничивается словарным значением при переводе этого слова. Одна из героинь – старая женщина выступает и как *старушка*, и *бедная старушенция*, и *старуха* в зависимости от контекста.

Практически вся этноспецифичная лексика оформлена таким образом, чтобы она оставалась, по Г.П. Мельникову, на «оперативном экране» читателя. Экспланаторный перевод вносит изменения и добавления в определенный фрагмент картины мира читателя. Возможно, читатель и не задастся целью воспроизведения всех «окказиональных» заимствований, но расширенные посредством экспланаторного перевода или контекстуального окружения, они превращаются в знание. Наиболее ключевые для понимания культурные маркеры встраиваются в когнитивную систему читателя (даже, если имманентно). И это знание может активироваться в соответствующей ситуации.

Б.Г. Каирбеков четко следует тактической задаче, направленной на решение задачи – читательское восприятие. Целенаправленно избегая сложных аналитических грамматических форм и длинных синтаксических конструкций, он редко прибегает к переводу краткими формами прилагательных и причастий, которые наиболее точно воспроизводят агглютинативный характер казахского. То есть, переводчик четко осознает разные возможности и разный опыт двух языковых систем и техник речевого производства. По Г.П. Мельникову, в отличие от казахов русские «предсказывают и намекают» на свойства последующих элементов высказывания, а не «напоминают» их. Казахские предложения выстроены таким образом, что подлежащее практически постоянно обогащается новыми признаками и качествами. Аффиксы, добавляемые к корням слов, постоянно обогащают семантику слова, добавляя новые знания. Например: *Кешкісін орыс, татардың гармоншы жігіттерін жинап ап, жазда қақпасының алдында бүкіл көшені таңырқатып, ән салғызып, би билетер еді* (из повести Гафу Каирбекова «Ақ желкен» – «Белый парус»). Анализ производных словоформ, полученных из самостоятельных слов путем добавления аффиксов: *Кеш* – *вечер*, а добавление к этому слову *-кі* (суфф. наречия) образует новую словоформу: *вечерний*. При добавлении к этой новой словоформе суфф. наречия *-сін* получаем другую лексему: *Кеш + кі + сін* – вечерами.

Во фрагменте: *орыс, татардың гармоншы жігіттерін* лексемы *орыс* (русский) и *татар + дың* (оконч. Р.п.) переводятся как: русские и татарские во мн., а не ед. ч., потому что далее следует существительное во мн. ч. и Вин. п.: *жігіт + тер + і + н* – *джигитов, мужчин*. Более того, к слову *орыс* не добавляется суффикс, как в слове *татар + дың* в силу достаточности указать один раз принадлежность разнорациональных субъектов и их объединяющее свойство *гармон + шы* – гармонисты. Этот фрагмент переводится дословно так: *русские и татарские гармонисты мужчины*.

Лексема *жігіттерін*, полученная посредством прибавления аффиксов *жігіт + тер + і + н* демонстрирует агглютинативную технику словообразования казахского языка. 1) *Жігіт* – *молодой (молодцеватый) мужчина*; 2) *жігіттер* – *молодые мужчины*; 3) *жігіттерін* – *их* (то есть русских и татарских) *мужчин-гармонистов*.

Подстрочный перевод: *Вечерами русских, татар гармонист джигитов собрав, летом у (своих) ворот всю улицу изумляя (ошеломляя), (сподвиг бы) песни запевать, танцы танцевать.*

Перевод Бахыта Каирбекова: *Долгими летними вечерами вдруг ни с того ни с сего созовет гармонистов – русских, татар, и тут же возле ворот своего дома затеет веселое состязание в песне, танцах.*

Этот пример, как и другие, полученные в ходе сравнительного анализа повестей и переводов, наглядно доказывают вывод основоположников системной лингвистики (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г.П. Мельников) о тенденции в языках агглютинативного типа к экономии служебных морфем в словоформах. Суффиксы соединяются с главным корнем лишь «временно» (Бодуэн де Куртенэ). Г.П. Мельников также указывал на «временность» словоформ агглютинативных языков, поскольку, собираясь путем прибавления к корню служебных морфем для конкретного случая, они «рассыпаются». Состав и набор морфем зачастую определяется конкретной ситуацией, контекстом и подготовленностью, осведомленностью слушающего. Словормы не хранятся в памяти, потому что они «коллекционировались» для определенного случая в цепи сообщения говорящего. Отсюда практически равные по содержанию лексемы отличаются составом аффиксов и суффиксов при использовании их в конкретных случаях (Мельников, 2003: 338-340).

В переводе же Б.Г. Каирбеков стремится максимально «освободить» русский текст от «однотипного, монотонного» (с точки зрения носителя русского языка) синтаксического воплощения. Он старается оформить определенный конечный смысл возможностями русского языка, осознанно не стремится «облегчать», «выпрямлять» текст. Как видим, язык оригинала и целевой язык в сознании билингвального переводчика действуют как специализированные и социализированные психические механизмы.

По Г.П. Мельникову, внутренние формы языка взаимосвязаны, тесно переплетены с внутренними формами национальной культуры. Это и осознается билингвальным переводчиком, владеющим обоими рабочими языками. Следовательно, номинативные замыслы культурных маркеров: *барымта, карымта, барымтач, чапан, кумыс, соул* и др. Б.Г. Каирбеков выражает посредством цепи намеков, отбирая в русском языке слова для их выражения. Его стратегическая цель – «оживить» в сознании читателей сложившийся образ или сформировать новый по ходу содержания, что достигается за счет обрастания культурных маркеров «намеками» переводчика.

В **Заключении** подробно описываются результаты исследования. Дальнейшее изучение как переводческих стратегий *нерусской билингвальной личности переводчика*, работающего с той или иной парой языков РФ и ближнего зарубежья, так и истории и теории перевода, сопряженных с российской переводоведческой мыслью, как видится, имеет серьезные перспективы в силу социально-культурной значимости переводоведческой деятельности.

Значимые положения исследования оформлены в 9 научных публикациях общим объемом 73 с. (из них соискателю принадлежит 58), в том числе 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК при МНВО РФ, 2 – в изданиях, индексируемых в международной базе данных Scopus, Web of Science.

1. *Шагимгереева Б.Е.* Некоторые принципы художественного перевода с позиции билингвальной личности Бахыта Каирбекова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019, Том 16, № 3, С. 415-423. (ВАК РФ)

2. *Шагимгереева Б.Е.* Из истории казахской и белорусской переводческой мысли // Актуальные проблемы профессионального образования в Республике Беларусь и за рубежом: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Витебск, 22 декабря 2020 г., С. 301-303.
3. *Шагимгереева Б.Е.* Актуальные вопросы частной теории и практики перевода // Первые Международные педагогические чтения «Школа – учитель – инновации в современном мире», посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося педагога-новатора, общественного деятеля, Заслуженного учителя Казахстана, Героя Социалистического Труда, кандидата педагогических наук Р.Б. Нуртазиной: материалы международной научно-практической конференции. Казахстан, Павлодар, 1 - 2 марта 2021 г., С. 421-426.
4. *Шагимгереева Б.Е.* Переводческие стратегии для достижения адекватности перевода // Научные исследования в сфере гуманитарных наук: открытия XXI века: материалы XI Международной научно-практической конференции. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 26 февраля 2021 г. С. 215-221.
5. *Шагимгереева Б.Е.* «В поисках собеседника»: интервью с Бахытом Каирбековым. Часть вторая, или Ипостась другая. Переводчик // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021, Том 18. № 1, С. 80-90. (ВАК РФ)
6. *Шагимгереева Б.Е.* «Дух или буква?»: о стратегии современного казахстанского переводчика // «Национальные образы мира в зеркале русского языка»: материалы Межвузовского Круглого стола молодых исследователей, посвященного Дню славянской письменности. М.: РУДН, 2021. С. 41-46.
7. Бахтикиреева У.М., *Шагимгереева Б.Е.* Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020, Том XVII, № 1, С. 83-89. (ВАК РФ)
8. Валикова О.А., *Шагимгереева Б.Е.*, Кулиева Ш.А. Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. 2020, № 4. С. 230-249. (*Scopus, Web of Science*).
9. Амалбекова М.Б., *Шагимгереева Б.Е.* «Перевод – дитя науки и искусства»: о переводческих принципах Герольда К. Бельгера // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). № 3, 2021. С. 3-10. (*Web of Science; ВАК РФ*).

Шагимгереева Бакытгуль Ерсайиновна
(Казakhstan)
ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ БИЛИНГВАЛЬНОГО АВТОРА
(на материале переводов Бахыта Каирбекова с казахского языка на русский)

Диссертация посвящена комплексному анализу переводческой стратегии билингвальной творческой личности (владеющей обоими рабочими языками) при переводе с казахского языка на русский на основе применения к задачам теории перевода методов и принципов системной типологии языков. Анализ показал, что стратегия перевода как способ достижения конкретной цели зависит от интеллектуальных ресурсов конкретного билингвального переводчика и представляет собой осознанную, целенаправленную коммуникативную деятельность по преобразованию фрагментов текста и в конечном итоге всего ИТ. Выявлено, что системно-типологический подход имеет большую объяснительную силу для понимания стратегий перевода билингвальных авторов, владеющих обоими рабочими языками.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны при разработке вузовских курсов по истории и теории перевода, лингвокультурологии, этно(психо)лингвистике, когнитивной лингвистике, контрастивной лингвистике и, собственно, в переводческой практике.

Shagimgereyeva Bakytgul Ersainovna
(Kazakhstan)
TRANSLATION STRATEGY OF A BILINGUAL AUTHOR
(based on Bakhyt Kairbekov's translations from Kazakh into Russian)

The thesis is devoted to a comprehensive analysis of the translation strategy of a bilingual creative person (who knows both working languages) when translating from Kazakh into Russian based on the application of methods and principles of system typology of languages to the problems of translation theory. The analysis showed that the translation strategy as a way to achieve a specific goal depends on the intellectual resources of a particular bilingual translator and is a deliberate, purposeful communicative activity to transform text fragments and, ultimately, the entire source text. It was revealed that the system-typological approach has a great explanatory power for understanding the translation strategies of bilingual authors who speak both working languages.

The results of this study can be useful in the development of university courses on the history and theory of translation, cultural linguistics, ethno (psycho) linguistics, cognitive linguistics, contrastive linguistics and, in fact, in translation practice.